

18+

MAXIMUM
103.7 FM

долгий, трудный путь из ада
MARILYN MANSON

ПРИ УЧАСТИИ НИЛА СТРОССА

Music Legends & Idols

Мерилин Мэнсон

**Marilyn Manson: долгий,
трудный путь из ада**

«Издательство АСТ»

1998

УДК 785.16.071.2(410)
ББК 85.318(4Вел)-8

Мэнсон М.

Marilyn Manson: долгий, трудный путь из ада / М. Мэнсон —
«Издательство АСТ», 1998 — (Music Legends & Idols)

ISBN 978-5-17-108383-0

Автобиография самой противоречивой знаменитости Америки, Мэрилина Мэнсона. Уже в первое десятилетие своей карьеры рок-идол Мэрилин Мэнсон пережил больше, чем большинство людей (или хотели бы) за всю жизнь. В своих шокирующих и откровенных мемуарах он рассказывает о своей метаморфозе из испуганного христианского школьника в самую страшную и почитаемую суперзвезду. Книга проиллюстрирована десятками эксклюзивных фотографий. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 785.16.071.2(410)

ББК 85.318(4Вел)-8

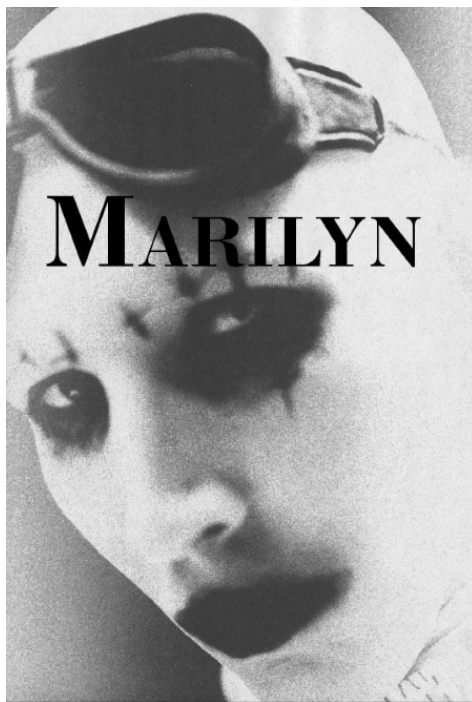
ISBN 978-5-17-108383-0

© Мэнсон М., 1998

© Издательство АСТ, 1998

Содержание

Предисловие	7
Часть первая: когда я был червем	8
1. Человек, которого боишься	8
2. Тем, кто любит рок: мы вам подвесим	18
3. Тинейджер-дилетант	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Мэрилин Мэнсон, Нил Штраус
Marilyn Manson: долгий,
трудный путь из ада

Чтобы защитить невиновных, многие имена и характерные черты личностей в этой книге были изменены. Некоторые действующие лица – собирательные образы.

Посвящается Барб и Хью Уорнерам. Да прости их, Господи, за то, что принесли меня в этот мир.

MARILYN MANSON AND NEIL STRAUSS
THE LONG HARD ROAD OUT OF HELL

First published in United States of America in 1998 by HarperCollins Publishers LLC

Печатается с разрешения издательства Dey Street Books, an imprint of HarperCollins Publishers и литературного агентства Andrew Nurnberg

© 1998 by Marilyn Manson and Neil Strauss

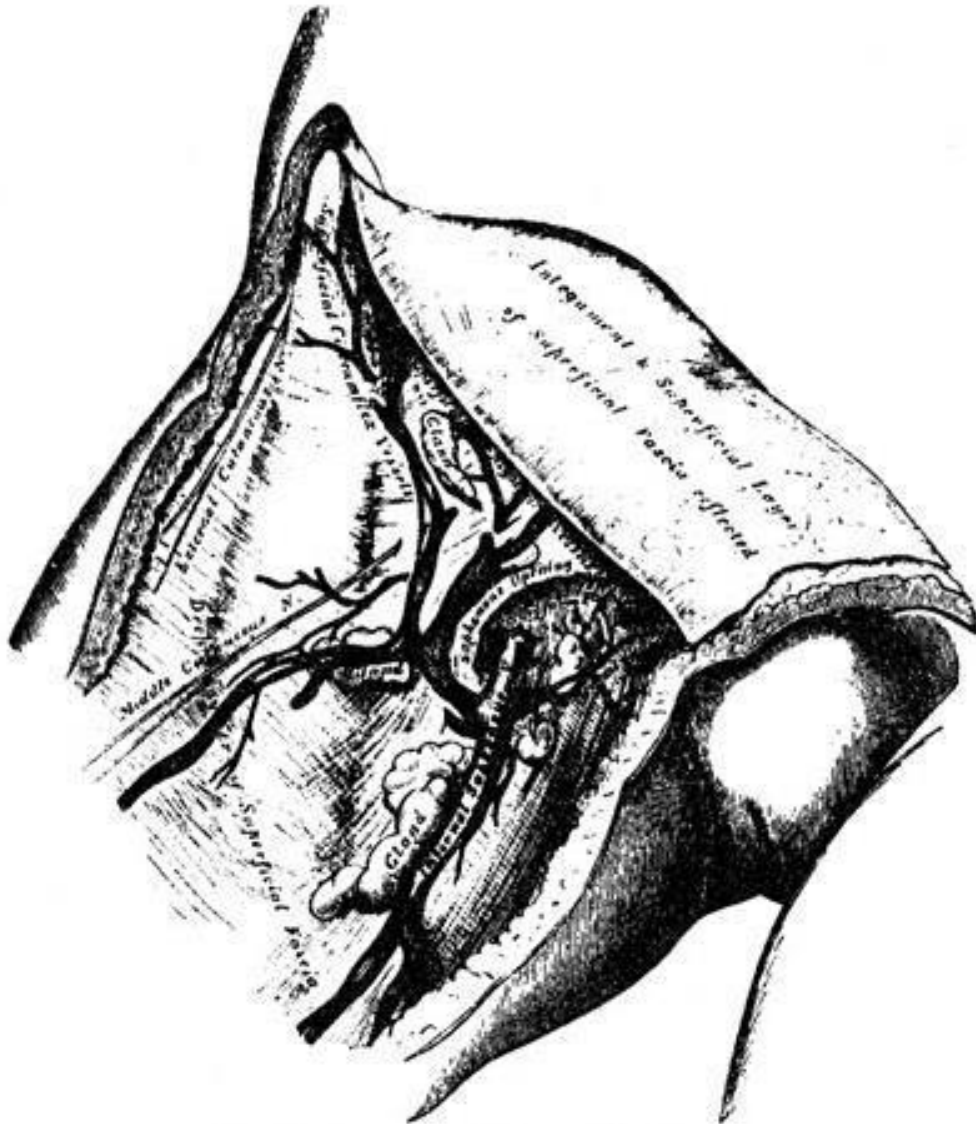
© 1998 by HarperCollins

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Но однажды,
в пору более сильную, нежели эта тухлявая, сомневающаяся в себе современность, он-таки придет, человек-искупитель, человек великой любви и презрения, жидительный дух, чья насущная сила вечно гонит его из всякой посторонности и потусторонности, чье одиночество превратно толкуется людьми, словно оно было бы бегством от действительности – тогда как оно есть лишь погружение, захоронение, запропащение в действительность, дабы,

выйдя снова на свет, он принес бы с собой искупление этой действительности: искупление проклятия, наложенного на нее прежним идеалом. Этот человек будущего, который избавит нас как от прежнего идеала, так и от того, что должно было вырасти из него, от великого отвращения, от воли к Ничто, от нигилизма, этот бой полуденного часа и великого решения, наново освобождающий волю, возвращающий земле ее цель, а человеку его надежду, этот антихрист и антинигилист, этот победитель Бога и Ничто – он-таки придет однажды...

– Фридрих Ницше, «К генеалогии морали»

Предисловие

На улице лило как из ржавого ведра. И аки из яйца вылупившийся отпрыск всего человечества выскочил Мэрилин Мэнсон. Сразу стало ясно: он уже выглядит и звучит – от Элвиса не отличить.

Дэвид Линч – Новый Орлеан, 2:50 ночи

которые на него много лет клали. У верстака был какой-то странно вмонтированный ящик, всегда запертый. На стропилах над ним висело дешёвое ростовое зеркало, такое в деревянной раме, которое обычно на дверь ставят. Но оно было приделано к потолку – не знаю уж, зачем, могу только догадываться. И вот именно там мы с кузеном Чэдом начали ежедневные и всё более дерзкие вторжения в тайную жизнь моего деда.

Я был тогда тощим веснушчатым тринадцатилетним, с причёской, благодаря ножницам моей матери, под «горшок»; Чэд был тогда тощим веснушчатым двенадцатилетним с торчащими вперёд зубами. Желали мы только одного: стать, когда вырастем, детективами, шпионами или частными следователями. И именно в попытке развить необходимые воровские навыки пришли мы к этому беззаконию.

Поначалу мы хотели лишь незаметно спуститься в подвал шпионить за дедом украдкой. Но как только мы обнаружили, что там хранится, мотивы наши изменились. Нашими вылазками в подвал после школы двигало и желание найти порнографию, чтоб подрочить, и болезненная зачарованность дедом нашим.

Чуть не каждый день мы обнаруживали нечто страннейшее. Росту во мне тогда было не очень много, но если я аккуратно вставал на деревянный дедовский стул, то доставал до пространства между зеркалом и потолком. Оттуда я достал пачку чёрно-белых зоофильских фото.

Это не картинки, вырезанные из журналов, но индивидуально пронумерованные фотокарточки, как будто заказывались по некому каталогу с доставкой товаров по почте. На этих фотографиях, сделанных примерно в начале 70-х, женщины садились на гигантские конские члены и сосали члены хряков – последние выглядели как мягкие мясные штопоры. Я до того видал и Playboy, и Penthouse, но эти фотографии показались чем-то совсем из другой области. Дело не в том, что они были непристойными. Они отдавали сюрреализмом, ведь эти женщины, пока сосали и трахались с животными, сияли совершенно невиннейшими, детскими улыбками.

Ещё там, за зеркалом, обнаружились фетишистские журналы вроде Watersports и Black Beauty. Мы, вместо того чтоб спереть целый журнал, аккуратно вырезали определённые странички. Потом мы складывали их в крошечные квадратики и засовывали их под крупные белые камни, что отмечали усыпанные галькой подъезд к бабушкиному дому. Годы спустя мы заглянули под камни – картинки всё ещё были там, правда, уже сморщенные, полусгнившие, в червях и улитках.

Однажды осенним днём мы с Чэдом сидели в столовой моей бабушки. В школе в тот день вообще ничего не произошло интересного, и мы решили выяснить, что там в ящике верстака. Моя бабушка Беатрис, вечно одержимая тем, чтоб закормить свой выводок, заставляла нас есть мясной рулет и десерт Jell-O, состоявший по большей части из воды. Бабушка сама – из богатой семьи и денег в банке у неё было немерено, но она была такой жадной, что растягивала упаковочку Jell-O на месяцы. Носила она чулки длиной до колен, скатанные до лодыжек, и нелепые седые парики явно не по размеру. Мне часто говорили, что я на неё похож, поскольку мы оба худые и узколицие.

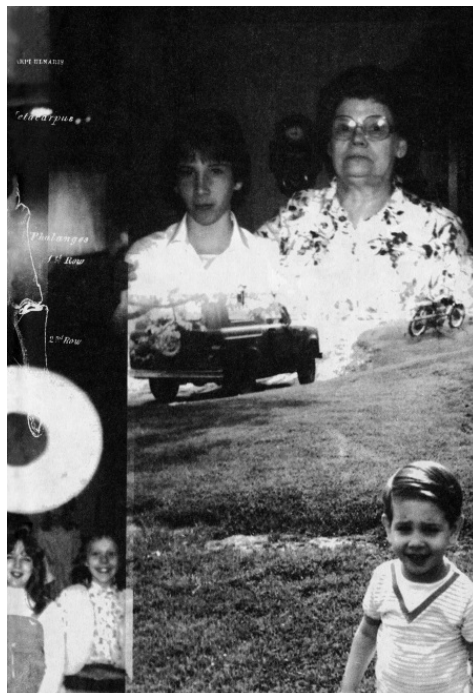
В кухне ничего не менялось, пока я там ел её несъедобную еду. Над столом висел желтеющий портрет Папы Римского в дешёвой медной рамке. Рядом на стене – внушительное семейное древо, прослеживающее семью Уорнеров до Польши и Германии, где они звались Ванамакеры. Венчало всё это большое полое деревянное распятие с золотым Иисусом, увядшим пальмовым листом, обёрнутым вокруг, и сдвигаемой верхушкой, в которой стоял фиал со святой водой.

Под кухонным столом располагалась решётка вентиляции, которая выходила как раз в подвал, к верстаку, так что мы слышали, как дед там кашляет и что-то долбит. Он всегда с собой носил портативную бытовую рацию, но сам в неё не говорил никогда, только слушал. Дело в том, что когда я ещё был маленьким, деда прооперировали по причине рака горла, так

что я не могу вспомнить, слышал ли я когда-нибудь его нормальный голос, а не хрипы, которые он издавал из-за трахеотомии.

Мы сидели за столом до тех пор, пока не услышали, что дед уходит. Отодвинули мясной рулет, вылили Jell-O в вентиляцию и направились в подвал. Вдогонку бабка кричала нам «Чэд! Брайан! А ну вычистить тарелки!», но безуспешно совершенно. Нам повезло, что сегодня она только поорала. Обычно, если она замечала, что мы таскаем еду, возражаем ей или придуриваемся, нас ставили на колени на щётку метлы в кухне. Причём простоять надо было от 15 минут до часу, из-за чего на коленях не проходили ранки.

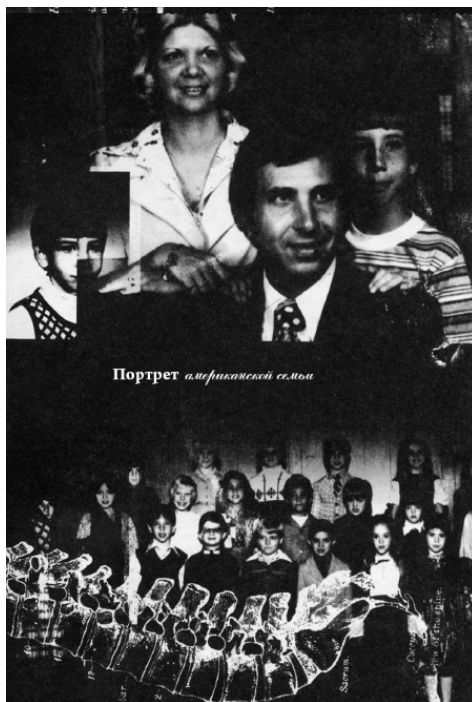
Мы с Чэдом работали быстро и бесшумно. Мы знали, что делать. Подняв с пола ржавую отвёртку, мы ею, как фомкой, взломали ящик и заглянули внутрь. Первое, что увидели – целлофан, прям тонна целая, и в него явно что-то замотано. Что именно – непонятно. Чэд поглубже засадил отвёртку, ящик отодвинулся, и мы увидели волосы и кружева. Он сильнее надавил на отвёртку, а я потянул, и, наконец, ящик выдвинулся.

Там мы обнаружили бюстье, лифчики, нижние юбочки, трусики, да ещё и несколько спутанных женских париков из жёстких разноцветных волос. Мы начали было разворачивать целлофан, но, увидев, что он скрывал, бросили всё на пол. До такого ни один из нас даже дотрагиваться не хотел: это была коллекция искусственных членов с присосками. Может, я испугался потому, что был юн, а члены эти казались гигантскими. К тому же – покрыты засохшей тёмно-оранжевой слизью – ну как корочка, которая обрастает вокруг индейки в духовке. Потом мы догадались, что это просто старый вазелин.

Я сказал Чэду завернуть дилдо эти обратно в целлофан и положить в ящик. Хватит нам открытий на сегодня. Но как только мы попытались задвинуть ящик, ручка двери подвала повернулась. Мы с Чэдом застыли на мгновение, потом он схватил меня за руку и нырнул под фанерный стол, на котором стояла дедова модель железной дороги. Очень вовремя: шаги как раз на нижних ступенях. Мы лежали на полу, усыпанном всякой фигнёй для игрушечной железной дороги, в основном – сосновыми иголками и искусственным снегом, и всё это у меня ассоциировалось с припудренными пончиками, втоптаннами в грязь. Иголки кололи нам локти, воняло тошнотворно, и мы дышали тяжело. Но дед, похоже, не заметил, что ящик наполовину выдвинут. Мы слышали, как он шаркает по подвалу, хрипя сквозь дырку в горле. Щёлкнул выключатель, игрушечный поезд покатился по длинному маршруту. Прямо перед нами возникли лакированные ботинки деда. Выше колен мы не видели, но поняли, что он сидит. Постепенно его ступни начали елозить по полу, как будто его на стуле раскачивали, а хрип его стал громче поезда. Не могу придумать другого способа описать звук его бесполезной гортани. Лучшая аналогия – старая заброшенная газонокосилка, отчаянно пытающаяся снова начать работать. Когда такое доносится из человеческого тела – это ужас-ужас.

Через десять минут полнейшего дискомфорта с верха лестницы послышался голос: «Иудейский священник на пони!» Это бабушка, которая, похоже, кричала уже какое-то время. Поезд встал, ступни остановились. «Джек, ты чего там делаешь?»

Дед в раздражении что-то прохрипел ей в ответ. «Джек, ты бы не съездил в Heinie's? У нас снова кукуруза закончилась».

Дед снова огрызнулся, ещё более раздражённо. Секунду он не двигался, будто раздумывая, помочь ей или нет. Затем он медленно поднялся. Пронесло нас на сей раз.

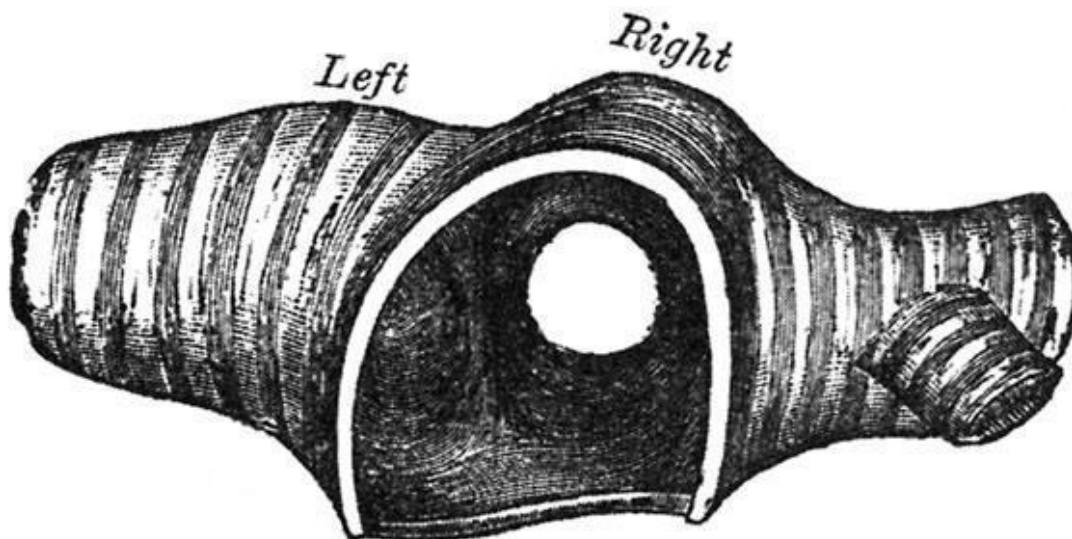

Рис. 984 – Поперечный участок трахеи, образующий бифуркацию.

Постаравшись спрятать в ящике всё, что мы разорили, мы с Чэдом пошли под навес, где лежали наши игрушки. Игрушки в данном случае – это пара пистолетов с металлическими шариками, а дом этот, помимо возможности шпионить за дедом, предоставлял ещё два развле-

чения: ближайший лес, где мы любили стрелять по живности, и девочки с района, с которыми мы пытались заняться сексом, но давать они нам стали гораздо, гораздо позже.

Иногда мы отправлялись в городской парк – пострелять в детвору, гонящую в футбол. У Чэда до сих пор шарик под кожей груди – просто когда мы не могли найти мишень, то стреляли друг в друга. На сей раз мы не стали отдаляться от дома – решили побивать птичек с веток. Страшное дело, конечно, но мы бы маленькие и нам на это было наплевать. В тот день я жаждал крови, и, к несчастью, на пути нам попался белый кролик. Меня охватило неизмеримое желание выстрелить в него. Потом пошёл посмотреть, что с ним стало. Он ещё не умер, из глаза сочилась кровь, пропитывая белую шерстку. Он смиренно открывал-закрывал ротик, вдыхая воздух в последней отчаянной попытке выжить. Впервые в жизни я расстроился из-за убитого мною зверька. И я прекратил его страдания большим плоским камнем, который с хрустом превратил его в месиво. Я очень близко подошёл к ещё более жестокому уроку убийства животных.

Мы побежали к дому, у которого мои родители ожидали в кадиллаке Coupe de Ville – отрада и гордость моего отца с тех пор, как он устроился менеджером магазина ковров. В дом за мною он не заходил почти никогда, кроме тех случаев, когда это было ну прям совсем необходимо. Он и с родителями своими редко когда разговаривал. Обычно просто ждал у дома, как будто боялся снова пережить что-то, что происходило в этом доме в его детстве.

Наш дом на две семьи, в нескольких минутах езды всего лишь, вызывал клаустрофобию никак не меньшую, чем жильё дедушки и бабушки Уорнеров. Моя мать когда вышла замуж, то вместо того, чтоб покинуть родительский дом, перевезла своих родителей в Кентон, штат Огайо. Так что они, семья Уайеров (моя мать – урождённая Барб Уайер (имя матери Мэнсона Barb Wyer звучит почти как barbed wire – колючая проволока, – прим. пер.)) жили прям в соседнем доме. Добродетельные люди из сельской местности (отец называл их деревенщиной) в Западной Вирджинии, он – механик, она – растолстевшая домохозяйка на таблетках, которую родители запирали в шкафу.

Чэд заболел, поэтому примерно неделю меня не возили в дом родителей отца. Хотя я чувствовал отвращение, но любопытство моё по поводу дедова порока ещё не было удовлетворено. Чтобы убить время до возобновления расследования я играл во дворе с собакой Алюшей, единственным моим другом, не считая Чэда. Алюша – аляскинский маламут размером с волка и яркой отличительной чертой: глаза у неё были разного цвета, зелёный и синий. Игры дома, правда, сопровождала своя паранойя – с тех пор как сосед Марк вернулся домой на каникулы Дня благодарения из военного училища.

Давным-давно Марк был эдаким толстеньким мальчиком с грязными под горшок стриженными волосами. Но я смотрел на него снизу вверх, потому что он на три года старше и

гораздо более буйный. Я тогда частенько видел, как он на своём участке бросает камни в свою немецкую овчарку или засовывает палочки ей в попу. В возрасте восьми-девяти лет я с ним подружился – по большей части из-за того, что у них в доме было кабельное телевидение, а мне нравился «Флиппер». Комната с телевизором располагалась в подвале, и там же – кухонный лифт, на котором сверху спускали грязное бельё. Когда «Флиппер» заканчивался, Марк выдумывал всякие игры вроде «Тюрьмы», суть которой заключалась в том, что мы втискивались в этот кухонный лифт и делали вид, что сидим в тюремной камере. Причём тюрьма эта оказалась совершенно необычной: охранники там такие лютые служили, что не разрешали заключённым иметь при себе ничего вообще, даже одежду. И вот когда засели в этом лифте, притиснувшись друг к другу, Марк гладил моё тело и попытался сжимать и ласкать мой член. Несколько раз такое происходило, я не выдержал и рассказал маме. Она сразу же пошла к его родителям, и те, хоть и заклеямили меня лжецом, отправили Марка в военную школу. С тех пор наши семьи стали злейшими врагами, а я всегда чувствовал, что Марк винит меня в том, что я возвёл на него напраслину, из-за которой его отослали из дому. С момента возвращения домой он мне ни слова не сказал. Просто зло пялился на меня из окна или из-за забора, и я жил в постоянном страхе, что он изобретёт какую-то месть, отыграется на мне, моих родителях или нашей собаке.

Так что вернуться к бабушке с дедушкой на следующей неделе – это принесло некоторое облегчение. Мы с Чэдом снова стали играть в детективов, и теперь мы твёрдо решили разгадать загадку деда – раз и навсегда. Осилив полтарелки бабушкиной готовки, мы принесли извинения и направились в подвал. С верхних ступенек мы слышали жужжание поездов. Ясно: он – там.

Затаив дыхание, мы вглядывались в помещение. Дед сидел к нам спиной, мы видели его вечную сине-серую фланелевую рубашку, вытянутую шею с жёлто-коричневым обручем и пропитанную потом майку. Белая эластичная лента – тоже уже почерневшая – удерживала металлический катетер над его адамовым яблоком.

Джек Уорнер

По нашим телам пошла медленная, но мощная волна страха. Вот оно. Мы поползли по скрипучей лестнице как можно аккуратнее, надеясь, что поезда заглушат наш шум. Достигнув пола, мы развернулись и спрятались в затхлой нише за лестницей, стараясь не плевать и не орать, когда паутина липла к нашим лицам.

Из укрытия мы могли видеть макет железной дороги: два пути, по обоим несутся поезда, позвякивая на кое-как состыкованных рельсах и издавая ядовитый электрический запах – как будто горящего металла. Дед сидел у чёрного трансформатора, управляющего движе-

нием поездов. Тыльная сторона шеи неизменно мне напоминала крайнюю плоть. Морщинистая, дублёная кожа, как у ящерицы, только красная. Вообще кожа его была серо-белой, как птичий помёт, кроме носа, раскрасневшегося и сильно испортившегося за годы пьянства. Его руки за годы работы стали грубыми, мозолистыми, а ногти – тёмными и хрупкими, как крылышки жука.

Дед никакого внимания не обращал на несущиеся вокруг него поезда. Он сидел со спущенными до колен штанами, на ногах лежал журнал, он хрипел быстро дёргал правой рукой в паху, и в то же время левой вытирал мокроту с горла тем же самым желтоватым носовым платком. Мы, конечно, поняли, чем он там занимается, и хотели тут же убежать. Но мы сами себя загнали в ловушку под лестницу и слишком уж боялись выйти.

Внезапно хрипение прекратилось, дед крутанулся на стуле и поглядел на лестницу. У нас душа в пятки ушла. Он встал – штаны упали – а мы изо всех сил прижались к заплесневевшей стене, и теперь уже не могли видеть, что он там делает. Моё сердце стукнулось о грудную клетку так, как будто бутылка разбилась, и я так остолбенел, что даже кричать не мог. В голове моей пронеслись тысячи разных извращений, которые дед с нами сейчас сотворит, хотя я замертво бы упал, если б он просто ко мне прикоснулся.

Снова начались хрипы, движения, шарканье по полу. Мы выдохнули. Уже можно было выглянуть из-за лестницы. На самом деле совершенно не хотелось этого делать. Но – надо.

Спустя несколько мучительно долгих минут из горла деда вырвался ужасный звук – так звучит работающий автомобильный двигатель, если повернуть ключ зажигания. Я отвернулся, но слишком поздно, ибо уже представил себе, как из его жёлтого сморщенного члена вылезает белый гной, – прямо как внутренности раздавленного таракана. Когда я выглянул второй раз, он уже тем же самым своим носовым платком подтирал что наделал. Мы дождались, пока он уйдёт, тоже вылезли наверх и поклялись больше ногой в этот подвал не ступать. Может, дед и понял, что мы туда заходили, или же заметил, что ящик верстака сломан, но нам он ничего не сказал.

Алюша

Когда родители везли меня домой, я им всё рассказал. Мне показалось, что мама поверила почти во всю эту историю, если не вообще всей, а отец вроде как это всё уже знал, поскольку в том доме вырос. Папа не вымолвил ни слова, а мама рассказала, что много лет назад, когда дед ещё работал водителем грузовика, он попал в аварию, и в больнице врачи обнаружили под его одеждой – женскую. Получился семейный скандал, решили никому ничего не говорить, нас заставили поклясться. Они всё это отрицают – до сих пор. Чэд, наверное, своей матери рассказал, что видел, потому что ему потом со мной несколько лет не разрешали

общаться. Мы въехали в наш двор, и я тут же побежал за дом играть с Алюшей. Она лежала у забора, содрогаясь в конвульсиях от рвоты. К тому моменту, как приехал ветеринар, Алюша уже умерла, а я рыдал горькими слезами. Ветеринар сказал, что её отравили. У меня возникло странное чувство, что отравителя я знаю.

2. Тем, кто любит рок: мы вам подвесим

«Брайан Уорнер» был обычным. Всегда тощий, как инжирок. Я приходил к нему домой, мы слушали пластинки групп типа Queensryche, Iron Maiden, очень много Judas Priest. Я гораздо больше от всего этого фанател, чем он... Мне казалось, что у него тогда с «музыкой» вообще ничего особенного не происходило, как, наверное, и сейчас. Наверное, ему просто повезло.

– **Нил Рабл, Школа Христианского Наследия, выпуск 1987**

Мы с Брайаном Уорнером учились в одном классе в Христианской школе в Кентоне, Огайо. Мы оба отрицали религиозное давление, которое в нашем образовании было довольно сильно. Он, конечно, изображает себя сатанистом. Я отвергла вообще всю эту идею, и бога, и дьявола, сперва будучи агностиком, а недавно став ведьмой.

– **Келси Восс, Школа Христианского Наследия, выпуск 1987**

Мне бы хотелось спросить «Мэрилина Мэнсона»: «Неужели ты дошёл до такой жизни из-за моего влияния?» Я всё думаю: «Ох, ну, может, надо было мне что-то сделать по-другому?»

– **Кэролин Коул, бывший директор Школы Христианского Наследия**

Джерри, мне иногда кажется, что вот-вот наступит Армагеддон.

– **Рональд Рейган, из разговора с преподобным Джерри Фолуэллом.**

Конец света в назначенный час не настал.

На пятничных занятиях в Школе Христианского Наследия мне так промыли мозги, что я верил: все знаки грядущего конца света уже здесь.

«И вы узнаете, что зверь вышел из-под земли, по скрежету его зубовному повсеместно – стращала мисс Прайс самым своим суровым, зловещим голосом рядом сжавшихся шестиклашек. – И все и каждый, как дети, так и родители, будут страдать. Тем, кто не получают метку его, номер имени его, головы отсекут пред родными их и соседями».

На этом месте мисс Прайс делала паузу и доставала из кипы картинок с апокалипсисом увеличенную копию штрихкода, цифры на котором переделаны на 666. Вот так мы и поняли, что апокалипсис не за горами: штрихкод – это же метка зверя, о которой говорится в Откровении, так нас учили. А сканеры, читающие их в супермаркетах, будут контролировать человеческие мозги. Скоро, предупреждали они, штрихкод этот сатанинский заменит деньги, и всем, чтобы купить что-нибудь, придётся нанести его себе на руки.

«И если вы всё-таки отречётесь от Христа, – продолжала обыкновенно мисс Прайс, – и нанесёте это тату на руку или на лоб, то вас не лишат жизни. Но вы потеряете вечную, – тут она демонстрировала карточку с изображением Иисуса, спускающегося с небес, – жизнь».

На других занятиях она демонстрировала карточку с вырезанной из газеты статьёй, детально описывающей недавнее покушение Джона Хинкли-младшего на Рональда Уилсона Рейгана. Она поднимала её и зачитывала стих из Откровения: «Здесь мудрость. Кто имеет ум, тот сочти число зверя, ибо это число человеческое; число его шестьсот шестьдесят шесть». Тот факт, что в именах и фамилии Рейгана по шесть букв, служил ещё одним знаком того, что пробил наш последний час, что Антихрист уже пришёл на Землю, и мы должны готовиться к явлению Христа, который заберёт нас на небо. Наши учителя преподносили всё это не как некое мнение, открытое для интерпретации, а как непреложный факт, изложенный в самой Библии. Они не нуждались в доказательствах, они – верили. И это прямо наполняло их радостью, ожидание апокалипсиса, потому что они-то точно спасутся – да, умрут, но попадут в рай и будут избавлены от страданий.

Именно тогда у меня начались кошмары, кошмары, продолжающиеся по сей день. Меня основательно кошмарила мысль про конец света и Антихриста. Я стал одержим ею: смотрел фильмы типа «Изгоняющий дьявола» и «Омен», читал книги предсказаний – «Центурии» Нострадамуса, «1984» Джорджа Оруэлла и превращённый в книгу фильм «Как тать ночью», в котором очень наглядно показывалось, как срубают головы тем, кто себе на лбу не вытатуировал три шестёрки. Прибавить сюда еженедельные разглагольствования в Христианской школе – и апокалипсис выглядит совершенно реальным, осязаемым и таким близким, что меня беспрестанно преследовали мысли: а что, если я как-то случайно прознаю, кто этот Антихрист? Рискну ли я своей жизнью, чтобы спасти чужие? А что, если у меня уже есть знак зверя –

допустим, на коже головы или на жопе, то есть, где мне не видно? А что, если Антихрист – это я и есть? И вот такие страхи и тяжёлые мысли переполняли меня в тот период, когда меня перекручивало и безо всякой Христианской школы, потому что у меня проходил период полового созревания.

КРУГ ВТОРОЙ – СЛАДОСТРАСТНИКИ

Явное тому доказательство: несмотря на устрашающие уроки мисс Прайс, на которых она подробно рассказывала о приближающемся Судном дне, я в ней находил нечто сексуальное. Глядя на неё, созерцающую класс с прищуром сиамского кота, со сжатыми губами, идеально уложенными волосами, в шёлковой блузке, скрывающей совершенно ебательное тело, с жопо-вертящей походкой, я понимал, что за христианским фасадом есть что-то человеческое, что рвётся наружу. Я ненавидел её за кошмары отрочества, но, думаю, также и за поллюцию во сне.

Я принадлежал к Епископальной церкви, которая представляет собою эдакий диетический вариант католицизма (та же великая догма, но правил меньше), а школа была бездеминационная. Но мисс Прайс этот факт не останавливал. Иногда перед тем, как начать читать Библию, она спрашивала: «Есть ли в классе католики?» Никто не отзывался, и она начинала бранить католиков и епископалианцев, потому что мы-де неправильно толкуем Библию и поклоняемся фальшивым идолам, потому что молимся Папе и Деве Марии. Я сидел там тихий, возмущённый, думая, кого же винить – её или моих родителей за то, что растили меня прихожанином Епископальной церкви.

Дальнейшее личное унижение происходило на пятничных собраниях, где приглашённые выступающие рассказывали, как они занимались проституцией, наркоманией или чёрной магией, а потом обрели Господа и, выбрав его праведный путь родились заново. Всё это походило на встречу группы каких-нибудь Анонимных сатанистов. Когда докладчики заканчивали, все склоняли головы в молитве. Если кто-то не перерождился в христианина, проводивший встречу пастор-неудачник просил их подняться на сцену, взяться за руки и быть спасённым. И я каждый раз понимал, что и мне надо туда пойти, но столбенел от одной мысли, что надо будет стоять на сцене перед всей школой, к тому же меня сильно смущало то, что морально, религиозно и духовно я ниже всех.

Единственное место, где я добивался успеха, – это каток для роликов. Но даже он был неразрывно связан с апокалипсисом. Я мечтал стать чемпионом по роликовым конькам и с этой целью донёлся до того, что мои родители спустили все деньги, отложенные на поездку в выходные, на профессиональные ролики, стоившие более 400 долларов. Постоянным моим партнёром по катанию была Лиса, девочка болезненная, вечно загруженная, и, тем не менее – чуть ли не первая любовь моя. Её семья – строгая, религиозная. Её мать служила секретарём у Преподобного Эрнста Энгли, в то время – популярнейшего телепроповедника и целителя веры. Наши псевдосвидания после катка обычно начинались с «самоубийств» у аппарата с газировкой – обесцвеченная смесь колы, севен-апа, Sunquist'a и корневого пива, рутбир – и заканчивались посещением сверхшикарной церкви Преподобного Энгли.

Из всех знакомых мне людей Преподобный был одним из самых устрашающих: идеально ровные зубы блестят как кафель в ванной, на макушке – небольшой парик-тупей, словно собранный из мокрых волос, выловленных в сливе ванны, а носил он всегда голубой костюм с мятно-зелёным галстуком. Всё в нем отдавало чем-то сделанным, искусственным, начиная с имени, которое на слух похоже на «серьёзный ангел».

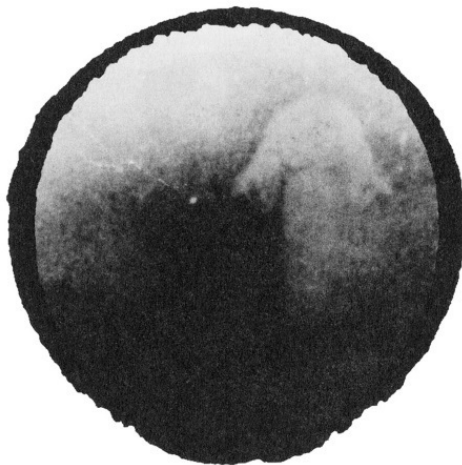
Каждую неделю он вызывал на сцену множество увечных и на глазах миллионов зрителей вроде как должен был их излечивать. Лечил он так: засовывал палец глухому в ухо, слепому – в глаз, и при этом орал «Злой дух, выходи» или «Скажи, детка» и крутил пальцем, пока человек не отрубался. Проповеди его сильно напоминали наши уроки в школе, причём Преподобный рисовал неизбежный апокалипсис во всех его ужасах – кроме того, что люди там

то и дело орали, отключались и вещали на незнакомых языках. В определённый момент проповеди каждый бросал на сцену деньги. Дождём лились сотни четвертаков, десяток, серебряных долларов, скомканных банкнот, когда Преподобный переходил к небесному своду и ярости. На стенах церкви висели пронумерованные литографии – он ими торговал – изображающие страшные сцены вроде четырёх всадников апокалипсиса, на закате скачущих через какой-то городок, не слишком отличающийся от Кентона, оставляя за собой след из перерезанных глоток.

Службы тамошние длились от трёх до пяти часов. Если я засыпал – меня укоряли и отводили в отдельную комнату, где проводились занятия специально для молодёжи. Здесь нас – меня и ещё примерно дюжину детишек – до тошноты поучали насчёт секса, наркотиков, рока и материального мира. Это сильно походило на промывку мозгов, мы же уже очень устали, а они намеренно не давали нам ничего поесть: голодные – уязвимые.

И Лиса и её мать были преданы церкви целиком и полностью. В основном потому, что Лиса родилась глухой на одно ухо, а Преподобный вроде как на службе ей покрутил пальцем в ухе, и слух появился. Мать Лисы, потому что сама была прихожанкой, а её дочери господь даровал чудо, смотрела на меня сверху вниз, снисходила до меня, как будто она и её семья – лучше нашей, более праведная. Когда они привозили меня со службы домой, я так и представлял себе, что мать Лисы заставляет её мыть руки – она ж до меня дотрагивалась. Меня всё это нервировало, но я продолжал ходить с ними в церковь, потому что это единственное место, где я мог побыть с Лисой вне катка.

Отношения наши, однако, скоро испортились. Иногда происходит нечто, что в корне меняет твоё мнение о ком-то, рушит созданный тобою идеал, принуждая увидеть просто человека, ошибающегося, каковым он и является. Со мной такое произошло, когда мы в очередной раз ехали домой после церкви. Дурачились на заднем сидении машины её матери. Лиса всё прикалывалась над тем, что я такой худой, а я возьми за закрой ей рот ладонью. Она, смеясь, выплюнула мне в руку комок зеленоватых соплей. Он даже не показался настоящим – оттого ещё противнее стало. Я отнял руку – между пальцами висела длинная нить соплей, а её лицо – как яблочная ириска. И Лиса, и мать её, и я – всем нам стало ужасно неудобно, все мы даже испугались. Я всё никак не мог отделаться от ощущения паутины её мокроты у меня между пальцев. В моём представлении она сильно унизила себя и показала свою истинную сущность – чудовища под маской, а примерно так я и представлял себе Преподобного Энгли. Ничем она не была лучше меня, во что её мать заставляла меня верить. Больше я Лисе ни слова не сказал. Ни тогда, ни когда-либо ещё.

Христианская школа тоже приносила разочарование и крах иллюзий. Однажды, в четвёртом классе, я принёс фотографию, которую бабушка Уайер сделала в самолёте, когда летела из Западной Вирджинии в Огайо. На фото в облаках виднелся ангел. Это фото было одним из моих любимых вещей, и я был рад показать его своим учителям, потому что тогда я ещё верил всему, чему они меня учили про небеса, и я хотел поделиться с ними, что вот-де, моя бабушка это видела. Но они сказали мне, что это мистификация, выругали меня и отправили домой за богохульство. Так провалилась моя самая искренняя попытка соответствовать христианской идее, доказать мою связь с верой, – и за это меня же и наказали.

Случай подтвердил то, что я и так уже знал с самого начала: я не спасусь, как все. Я понимал это каждый день, отправляясь в школу дрожащим от страха из-за того, что будет конец света, я не попаду в рай и никогда больше не увижу родителей. Но прошёл год, потом ещё один, и ещё один, а мисс Прайс, Брайан Уорнер и окрещённые проститутки никуда не делись, и я почувствовал, что мне врал, что меня обманули.

Постепенно я начал отрицать Христианскую школу и подвергать сомнению всё, что мне говорили. Стало совершенно ясно, что те страдания, за облегчение которых они молятся, они сами же на себя и наложили, а теперь и на нас наваливают. Этот самый Зверь, в страхе перед которым проживали они жизни свои – это на самом деле они сами: именно человек, а не какой-то там демон мифический, уничтожит человека в конце концов. А зверя этого создал их страх.

Так были посеяны семена того, кем я стал сейчас.

«Дураками не рождаются, – записал я однажды в блокноте, сидя на занятии по этике. – Их поливают, выращивают как растения институты вроде христианства». В тот же вечер во время ужина я во всём этом признался родителям. «Послушайте, – начал объяснять я, – я хочу ходить в нормальную, обычную государственную школу, потому что здесь мне делать нечего. Они там против всего, что мне нравится».

Родители и слушать не хотели. Не потому, что они хотели, чтобы я получил религиозное образование, а потому, что они хотели для меня образования хорошего. Обычная же школа в нашем районе, Глен-Оук-Ист, была говном полным. Но я твёрдо решил перевестись туда.

Так начался мой бунт. В Школе Христианского Наследия стать бунтарём было очень просто: там всё основано на правилах и согласии. Форму мы носили странно: по понедельникам, средам и пятницам – синие штаны и белые рубашки на пуговицах, и, если захотим, то ещё что-нибудь красное. По вторникам и четвергам надо было надевать зелёные брюки и белую или жёлтую рубашку. Если волосы достают до ушей – марш стричься. Во всём царили режим и ритуал, и никому не позволялось выделяться ни в каком смысле. Не очень-то полезная подготовка к реальной жизни: каждый год выпускаются в мир люди, ожидающие, что в реальной жизни всё по-честному и ко всем одинаковое отношение.

В двенадцать лет я начал последовательно нарастающую кампанию по исключению меня из школы. Началась она довольно невинно, с конфет. Я всегда чувствовал родство с Вилли Вонкой. Даже в том возрасте я понимал, что он – неправильный герой, икона запретного. Запретным в данном случае был шоколад – метафора поблажки и всего, чего ты, как предполагается, иметь не должен, будь то секс, наркотики, алкоголь или порнография. Когда на канале Star Channel или в нашем местном кинотеатрике шёл «Вилли Вонка и шоколадная фабрика» я смотрел во все глаза, поедая конфеты мешками.

В школе конфеты и любые сладости, за исключением батончиков для перекуса Little Debbie, продававшихся в столовой, были контрабандными.

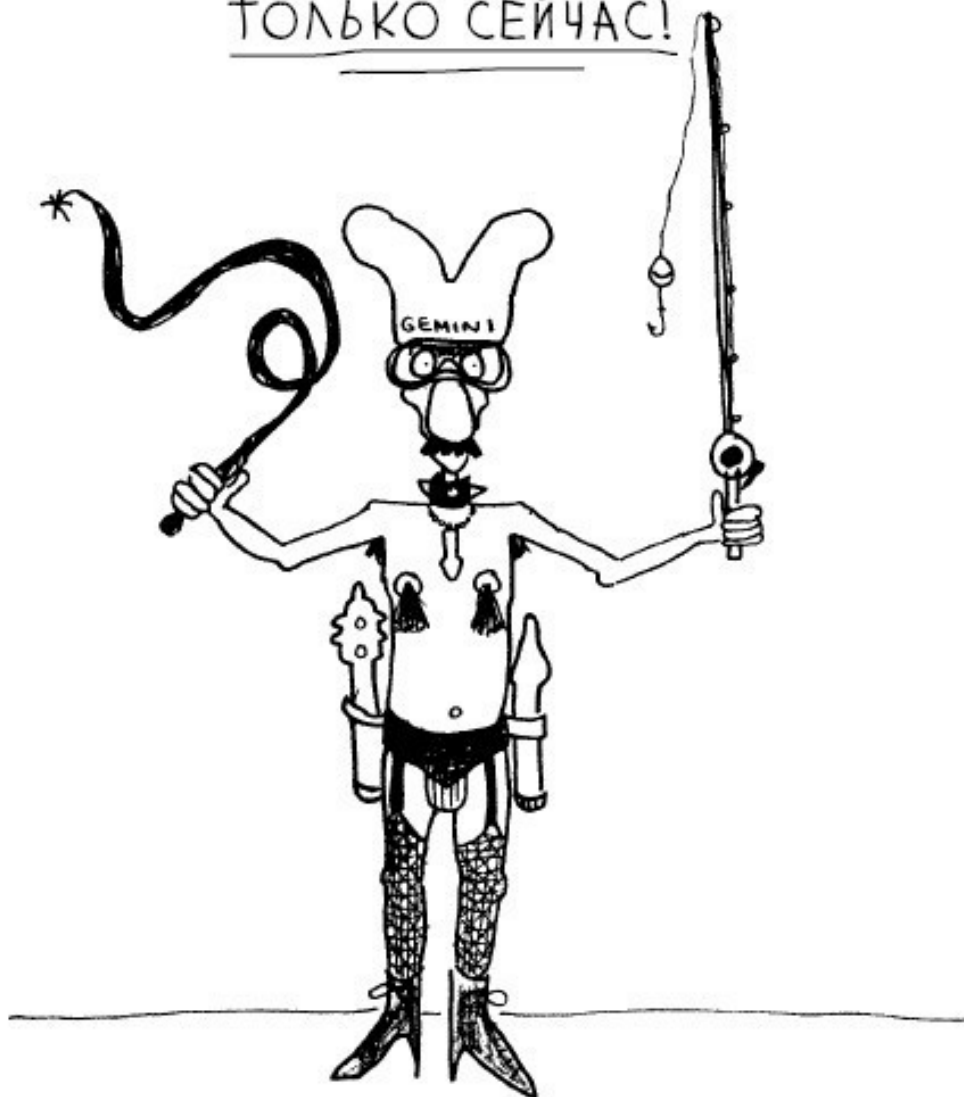
КРУГ ТРЕТИЙ – ОБЖОРЫ

Поэтому я ходил в Ben Franklin's Five and Ten, соседний магазин, который напоминал старую безалкогольную кафешку, и закупал Pop Rocks, Zortz, Lik-M-Stix и такими похожими

на таблетки пластинками, что приклеены к белой бумаге, и как ни старайся ешь их всё равно с кусочками бумаги. Оглядываясь назад, я нахожу, что склонялся к конфетам, у которых как будто наркотическое действие. Они по большей части не были только сладкими, они также давали химическую реакцию. Они шипели во рту или окрашивали зубы в чёрное.

НОВЫЙ КУВАТЧ-НАБОР ДЛЯ СЕКСА -
СПЕЦИАЛЬНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

ТОЛЬКО СЕЙЧАС!

ПРИ ПОКУПКЕ НАШЕГО КУВАТЧ-НАБОРА ПОМОЩИ
В СЕКСЕ И 12-Ю ПОДТВЕРЖДЕНИЯМИ ОТ СИРОПА
«ТЁТЯ ДЖЕМИМА» ВЫ ПОЛУЧАЕТЕ В ПОДАРОК:
ПЛЁТКУ, ДВА РАЗБИВАТЕЛЯ ДЛЯ ПАХА (РАЗМЕРА
XL), СПИННИНГ, МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ ЗАЩИТНЫЕ ОЧКИ,
КИСТОЧКИ НА СОСКИ, СЕТЧАТЫЕ ЧУЛКИ, ОЖЕРЕЛЬЕ
С БРОНЗОВЫМ СОБАЧЬИМ ЧЛЕНОМ И ДВОЙНОЙ ШЛЕМ
GEMINI.

Так я стал конфетным дилером, назначая цену какую захочу, потому что ни у кого больше во время уроков не было доступа к сладостям. Я сделал целое состояние – по крайней мере пятнадцать долларов четвертаками и десятками – в первый же месяц.

Потом меня кто-то сдал, какой-то агент под прикрытием. Деньги и конфеты власти конфисковали. К несчастью, из школы меня не выгнали – только временно отстранили.

Следующий мой проект – журнал. Я назвал его Stupid («Тупица») в духе Mad («Шизик») и Cracked («Псих»). Талисманом стал не слишком отличающийся от меня паренёк с выпирающими зубами, большим носом, прыщами и в бейсболке. Я продавал его по 25 центов, что составляло чистую прибыль, поскольку размножал я его бесплатно, у отца на работе в Carpet Barn. Множительный аппарат был старым и заезженным, и ему всегда удавалось смазать все шесть страниц. В нашей школе, голодной до похабных грязных шуток «Тупица» быстро прославился и хорошо шёл – до тех пор, пока меня снова не замели.

Директор школы Кэролин Коул, высокая, сутулая ханжа в очках и каштановых кудряшках над птичьим личиком, вызвала меня в кабинет, полный администраторов. Она сунула мне журнал и потребовала объяснить карикатуры на мексиканцев, копрологию и особенно Куватч-набор для помощи в сексе, реклама которого обещала бонусом плётку, два разбивателя для паха (размера XL), спиннинг, металлические защитные очки, кисточки на соски, сетчатые чулки, ожерелье с бронзовым собачьим членом и двойной шлем Gemini. Как это потом много раз будет происходить в жизни, они допрашивали и допрашивали меня про мою работу – не понимая, делал ли я её ради шуток, развлечения или искусства – и требовали, чтоб я сам объяснил. Так что я взорвался и швырнул эти бумаги вверх. До того, как последний листок опустился на пол, миссис Коул с покрасневшим лицом приказала мне нагнуться и подставить жопу. В углу комнаты она взяла лопатку, которую приятель на уроке труда сработал изощрённо-садистски – с дырками, чтобы воздух не тормозил. Я получил три сильных быстрых христианских удара.

К тому времени я стал совсем пропащим. На пятничных занятиях девочки держали кошельки в деревянных стульях, на которых сидели. Когда они склонялись, я падал на пол и крал их деньги на обед. А если обнаруживал любовные письма и записки, то тоже их воровал и в интересах честности и свободы слова передавал тем, о ком они. Если мне везло, то начинались взаимные напряжения, угрозы и драки.

Я уже несколько лет слушал рок-н-ролл и в качестве предпоследнего проекта своего решил и на этом сделать деньги. Первый мой рок-альбом одолжил мне Кит Кост, полусонный неуклюжий паренёк, которому на вид был тридцатник, хотя он учился в третьем классе. После того как я послушал альбом *Love Gun* группы Kiss и поиграл с игрушечным пистолетом, который к пластинке прилагался, я вступил в фан-клуб «Армия Kiss», и стал гордым обладателем бессчётного количества кукол Kiss, комиксов, футболок, ланч-боксов – и ничего из этого в школу приносить не дозволялось. А папа мой меня даже сводил на киссовский концерт – первый мой концерт вообще – в 1979 году. Десять ребят примерно попросили у отца автограф – он просто оделся и загримировался под Джина Симмонса с обложки альбома *Dressed To Kill* – всё скопировал, зелёный костюм, чёрный парик, белый грим.

Человек, который окончательно и бесповоротно втянул меня в рок-н-ролл и сопутствующий этой музыке стиль жизни, – Нил Рабл. Он курил сигареты, носил настоящие усы и, по слухам, уже потерял девственность. Так что вполне естественно, что я его боготворил. Полудруг-полузадира, он открыл мне шлюз, из которого хлынули Dio, Black Sabbath, Rainbow – ну то есть все группы, где Ронни Джеймс Дио.

Ещё одним источником информации про достойные рок-альбомы была, как ни странно, Христианская школа. Вот Нил приобщал меня к хеви-металу, а они проводили семинары по всяким скрытым смыслам, записанным на альбомах задом наперёд. Они приносили альбомы Led Zeppelin, Black Sabbath и Элиса Купера и включали их на громкоговорителях. Потом учи-

теля, сменяя друг друга, пальцем прокручивали пластинку в обратном направлении, объясняя скрытые послания. Разумеется, самая экстремальная музыка с самыми сатанинскими посланиями – та, которую я и хотел слушать, потому что она – запрещённая. Нам ещё показывали фотографии этих групп, чтоб ещё больше нас напугать, но в результате я твёрдо решил отрастить волосы и воткнуть серьги в уши, как у этих рокеров.

Список главных врагов у моих учителей в Христианской школе возглавляли Queen. Особенно они негодовали на песню «We Are The Champions», потому что она – гимн гомосексуалистов, а если проиграть пластинку назад, то слышно, как Фредди Меркьюри богохульствует: «Мой милый сатана». Невзирая на тот факт, что они уже нам говорили, что ту же самую фразу произносит Роберт Плант в песне «Stairway to Heaven», как только они внедрили в нас эту идею про Фредди, поющего «мой милый сатана», мы каждый раз именно это и слышали. Ещё в их коллекции сатанинских альбомов были Electric Light Orchestra, Дэвид Боуи, Адам Ант и всё с геевской темой, всё, что даёт им повод связать гомосексуальность с греховными деяниями.

Вскоре деревянные панели и стропила в моей комнате в подвале закрылись картинками из журналов Hit Parader, Circus и Creem. Проснувшись утром, я глядел на Kiss, Judas Priest, Iron Maiden, Дэвида Боуи, Motley Crue, Rush и Black Sabbath. Я получил их скрытые послания.

Фантазийный элемент, присутствовавший почти у всех этих артистов, вскоре привёл меня к настольной игре «Подземелья и драконы». Вот если каждая сигарета отнимает семь минут вашей жизни, то «Подземелья и драконы» откладывает потерю девственности на семь часов. Я был таким неудачником, что гулял обычно вокруг школы с двадцатисторонними игральными костями, придумывая свой Лабиринт Ужаса, Замок Тенемаус и Пещеры Коштры – фраза, которая позже стала сленговым обозначением того, кто занюхал слишком много кокса.

Совершенно естественно, что в школе ребята меня не любили – я ведь играл в «Подземелья и драконы», любил хеви-метал, не ходил на их молодёжные собрания и не принимал никакого участия во всяких мероприятиях типа сжигания рок-альбомов. С ребятами в обычной школе я тоже не ужился: они мне давали пинка под зад каждый день, считая маменькиным сыночком из частной школы. И на роликах я уже не катался после того случая с Лисой. Теперь друзей я мог заводить только на занятиях для детей военных, во Вьетнаме попавших под действие яда агент «оранж». Хью, мой отец, служил там механиком вертолётов, принимал участие в операции «выжженной земли» Ranch Hand – они рассеивали опаснейшие гербициды над всем Вьетнамом. Поэтому с дня моего рождения и до подросткового возраста правительство каждый год нас отправляло в исследовательский центр на предмет изучения побочных эффектов на организм и психику. Мне кажется, никаких побочных эффектов у меня не было, хотя мои враги, возможно, с этим не согласятся. Для моего отца один из побочных эффектов от этой химии заключался в том, что, поскольку он открыто говорил про агент «оранж», в результате

чего он оказался на обложке Akron Beacon Journal, то правительство следующие четыре года сурово проверяло его налоги.

Поскольку у меня не было никакой деформации тела, то я не вписывался в сообщество и этих детей, ни в правительственной исследовательской группе, ни на регулярных восстановительных курсах для детей, чьи родители подали в суд на правительство за использование химикатов. У тех детей были протезы, проблемы со здоровьем, врождённые заболевания, а я на их фоне мало того, что представлялся относительно нормальным, но так ещё и мой отец, получается, поливал ядом их отцов, большинство которых во Вьетнаме воевали в пехоте.

С целью усилить свою преступную деятельность и удовлетворить растущую зависимость от денег я с торговли конфетами и журналами перешёл на музыкальные записи. Из моего района в Школу Христианского Наследия ходили ещё только двое – братья с одинаковыми короткими стрижками, такие все стопроцентные американцы, адепты Движения святых последних дней. Со старшим братом Джеем у меня не было ничего общего – его интересовала только библия, меня – только рок-музыка и секс. Младший брат, Тим, был большим бунтарём. И вот точно как Нил Рабл открыл мне дверь в рок-музыку, также и я познакомил Тима с хеви-металлом, а потом всё время задирали и травил его. Дома ему музыку слушать не разрешалось, так что я продал ему дешёвый чёрный магнитофончик с крупными прямоугольными кнопками и ручкой для переноски.

Потом ему, конечно, понадобились кассеты, чтоб прятать их под кроватью вместе с магнитофоном. С этой целью я стал ездить на велосипеде в место под названием Quonset Hut, в которое не пускали малолетних, поскольку помимо музыкального магазина там ещё располагалась лавка с причиндалами для курения травы и прочего. Я выглядел совершенно на свой возраст, на пятнадцать то есть, но никто меня не остановил. Это в любом случае не имело значения, поскольку трубки, держалки для докуриваемых косяков и кальяны были для меня совершеннейшей загадкой.

Когда Тим начал покупать у меня кассеты по взвинченным ценам – я наврал ему, сколько они стоят – я вдруг понял, что в школе есть ещё как минимум сотня потенциальных покупателей. Я начал покупать альбомы, которые нам включали на занятиях по скрытым посланиям, и продавал их всем, от третьеклашек до старшеклассников. Купить в Quonset Hut альбом группы W.A.S.P. стоило мне семь баксов, в Школе Христианского Наследия он уходил за двадцать.

КРУГ ЧЕТВЁРТЫЙ – СКУПЫЕ

Вместо того, чтобы самому промотать такой навар, я потом додумался, что могу воровать купленные у меня кассеты. В Школе же всё на чести и достоинстве основывалось, поэтому личные шкафчики не запирались. А поскольку рок-н-ролл слушать запрещалось, то тот, кто

донёс бы на меня, сам бы оказался преступником. Так что на уроке я иногда просил пропуск в коридор и воровал из шкафчиков-локеров кассеты.

Система сложилась идеальная, но проработала она недолго. Тим решил, что пусть его самого накажут, но меня заложить стоит того. И вновь предстал я в кабинете директора лицом к лицу с миссис Коул и целым собранием администраторов и воспитателей. Но на сей раз мне ничего объяснять не пришлось – они уже решили, что им ясно, в чём дело. Они поймали меня за торговлей и воровством кассет; они знали, что я продолжаю издавать свой журнальчик и его аналог на кассетах («пранкерские» звонки-розыгрыши и похабные песни о мастурбации и метеоризме, записанные с кузеном Чэдом под названием *Big Bert and the Ugliers*). И меня уже наказывали в кабинете директора дважды за последние несколько месяцев. Первый раз – за то, что я случайно выстрелил учителю музыки, миссис Бёрдик, в промежность из рогатки, которую сделал из тугой резинки, деревянной линейки, и в качестве боеприпасов использовал куски расплавленных карандашей Crayola, украденных из класса рисования. Второй раз – после того, как миссис Бёрдик дала нам задание принести альбом, под который можно петь, я принёс *Highway to Hell* группы AC/DC. Но всё это никак не приблизило моё изгнание.

Для своей последней, отчаянной выходки я вновь наведалься в страшный дедов подвал и стащил искусственный член из ящика верстака. Работал в перчатках, так что никаким засохшим вазелином не испачкался. На следующий день после уроков мы с Нилом Раблом проникли в классную комнату мисс Прайс и открыли ящик её стола. В нём обнаружился её личный секрет – то, что в Христианской школе такое же табу, как и увлечения моего деда для его пригорода: полуэротические любовные романы. Там также лежало зеркальце, что понятно: мисс Прайс всегда следила за внешностью. В то время мы с Чэдом периодически пытались привлечь внимание двух сестёр, живших рядом с домом дедушки и бабушки, бросая камушки в машины, чтоб вызвать аварию, ради которой девочки выбегут из дому. И вот таким же болезненным извращённым способом я пытался выразить скрытую страсть к мисс Прайс – положив дилдо ей в ящик. А больше никак.

К нашему разочарованию в школе об этом не было сказано ни слова. Но я, разумеется, оказался главным подозреваемым – я это понял, когда миссис Коул вызвала моих родителей в школу. Дилдо она не упомянула, но прочла им нотацию о дисциплине и о том, как вселить страх божий в малолетнего преступника, которого они воспитывают. Вот тогда-то я понял, что не выгонят меня никогда. Дело в том, что половину учеников в Христианской школе составляли дети из бедных семей, и на их обучение школа получала от государства какие-то гроши. А я был из тех, за кого родители платили полную стоимость, а деньги школа хотела, даже если при этом приходилось иметь дело со всеми моими искусственными членами, кассетами с хеви-металлом, конфетами, похабными журналами и грязными аудиозаписями. Я осознал: чтобы выбрать из Христианской школы, я должен сам изъявить желание. Именно так я и поступил – в десятом классе через два месяца.

ИНАУГУРАЦИЯ ЧЕРВЯ

К концу второй моей недели в обычной школе я уже прекрасно понял, что обречён. Дело не только в том, что я начал второй год старшей школы на два месяца позже, когда все уже со всеми сдружились, но к тому же проучившись восемь дней мне пришлось уйти ещё на две недели. У меня началась аллергия на антибиотики, которые я принимал от гриппа. Ступни и кисти рук раздулись, как шарики воздушные, по шее пошли красные оспинки, из-за распухших лёгких дышал с трудом. Врачи сказали – умереть бы мог.

К тому моменту я в школе завёл одного друга и одного врага. Друг – это Дженнифер, девочка хорошенькая, но с личиком несколько рыбьим, к тому же с большими губами, ещё и припухшими из-за брекетов. Я познакомился с ней на автобусной остановке, на которой ждал автобус до школы. Она стала моей первой девушкой. А враг – такой Джон Крауэлл, воплощение крутизны пригородной. Большой коренастый торчок, по жизни закованный в джинсовую куртку, футболку с Iron Maiden и синие джинсы, из заднего кармана которых торчала расчёска с крупной ручкой, а паховая зона вытерлась добела, настолько они были тесные. Когда он шёл по школьному коридору, детишки, друг друга распихивая, расступались перед ним. И так получилось, что он – бывший парень Дженнифер, так что я оказался верхним в его списке кому набить морду.

В первую мою неделю в больнице Дженнифер навещала меня почти каждый день. Я уговорил её забраться в шкаф, где было темно и мою сыпь не видно и прям безжалостно её там

зацеловал. До того момента с женщинами я не очень далеко продвинулся. Была такая Джил Такер, дочь проповедника, блондинка с кривоватыми зубами, – с ней мы целовались во дворе Христианской школы. Но то было в четвёртом классе. Три года спустя я безумно и безнадежно влюбился в Мишель Джилл, хорошенькую девочку с приплюснутым носиком, тёмными пушистыми волосами, уложенными «пёрышками», и широким ртом, который в старшей школе, вероятно, отлично отсасывал. Но мои шансы улетучились, когда во время сбора средств она попыталась меня научить французскому поцелую, а я не понял ни смысла этого дела, ни техники. Она об этом всем в школе рассказала, и я стал главным посмешищем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.